

УДК 330.142.23:330.342 (575.2) (04)

РОЛЬ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА В СТРУКТУРНО-УРОВНЕВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

А.М. Калчакеева – канд. экон. наук, доцент

Развитие экономики Кыргызстана является предметом острых дискуссий, наряду с этим трудности и проблемы формирования национального капитала в период трансформации приобретают особую актуальность. Особое значение имеет участие государства в данном процессе определения экономической роли финансового капитала в структурно-уровневой экономической системе.

Ключевые слова: финансовый капитал; национальная экономика; формирование системы национального капитала; монетарная система.

В настоящее время с еще большим ожесточением разгораются дискуссии об особенностях развития экономики Кыргызстана, ее трудностях и проблемах. При этом удивительнее всего наблюдать за столь бурной полемикой, в которой практически не звучит четкое и ясное понимание происходящих процессов образования национального капитала на фоне так называемого переходного периода. Особо остро стоит проблема определения экономической роли государства как в плане его принципиального отношения к рынку, так и с точки зрения его участия в формировании системы национального капитала. Сегодня международные эксперты фиксируют мировую тенденцию развития государства в направлении его становления как верховного социального субъекта; по сути, это означает, что государство должно стоять в центре происходящих реформ.

Парадоксально, но данный тезис предполагает существование определенной дистанции между государством и экономикой, ведь она – объект регулирования. Вместе с тем это особенный объект, включающий в свою орбиту субъектов (и финансового капитала, и государства) и являющийся объектно-субъектной экономической системой, в которой принимает участие государство – сумма денежных и финансовых властей. Государство как целостность и единый субъект, противостоящий экономике, выступает как верховный социальный субъект и выражает себя в общественном целеполагании. В этой роли оно включено в систему социальных формальных и неформальных институтов,

его сила прямо пропорциональна степени зрелости общественных институтов. Это делает государство зависимым от экономики вообще и от национального капитала, в частности, так как есть прямая связь между содержанием и механизмами общественных институтов и степенью сложности экономики, а эта степень определяется ступенями развития капитала. По мнению В.И. Кумскова, “очень важно, что государство в современных условиях становится в положение общественного собственника, хозяина и даже непосредственного участника рыночной экономической деятельности”¹.

Следует несколько углубиться в проблему взаимодействия центробежных и центростремительных сил, соединяющих уровни экономики, поскольку государство впервые входит в макроэкономику как экономический субъект на волне центробежных сил (как субъект дохода в рамках рыночного равновесия – по Кейнсу²). Становление экономических функций государства лежит в логике его развития от финансового субъекта в рамках рыночного равновесия – по Кейнсу, к денежному субъекту в рамках финансово-денежного равновесия – по Хиксу (здесь потолок его развития как экономического субъекта). Собственно финансовый макроуровень формирует материальные и институциональные предпосылки перехода к государству – верховно-

¹ Кумсков В.И. Рыночная экономика – вечная экономика. – Бишкек: Илим, 2008. – С. 167–168.

² Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978.

му социальному субъекту. Тем самым система общественных институтов становится одной из сторон процесса превращения финансового капитала в макроэкономический базис рыночной экономики. Ее роль не менее важна, чем формирование глобальной инвестиционной денежной системы, непосредственно реализующей базисные функции финансового капитала. Институциональное развитие, обладая свойством целостности, создает внешнее давление, стимулирующее дополнительное по отношению к центробежным действие центростремительных сил. Они соединяют структурные уровни и тем самым обуславливают полное раскрытие их экономического потенциала.

Следует отметить, что в практическом плане институциональные факторы развития всегда представлены ролью государства в экономике, при этом сама роль корректируется потребностями экономики в ходе ее усложнения (появления структурных уровней). Обратим внимание на то, что образование макроуровня и системы рыночного равновесия по Кейнсу происходило вплоть до 70-х годов XX в. и включало развитие бюджетно-денежной системы и государственного управления микроэкономикой с помощью финансово-денежных рычагов. Указанный рубеж (70-е годы) важен потому, что в этот период была полностью отменена привязка денежной эмиссии к золотому покрытию. Тем самым, Центральный банк (ЦБ), который, казалось бы, распространил влияние на всю систему финансово-денежных рынков, в том числе валютного и ГЦБ, оказался в зависимости от государства и чисто финансовых проблем бюджета (расходов, доходов, бюджетного дефицита, приоритетов финансирования экономического роста и социальных программ). Сложилась парадоксальная ситуация, когда бюджет, будучи формой дохода и имея годовую размерность, обуславливал формирование из государства финансового, а не денежного субъекта. Парадокс разрешался по Хиксу: функции денег соединились с функцией финансовых активов. В то же время государство выделило внутри себя денежную и финансовую власть, причем первая строилась на лидерстве ЦБ, а вторая – на лидерстве Министерства финансов (МФ). Однако, если не стоял вопрос о раздельном существовании денег и финансов, то постоянно решалась проблема либо денежных, либо финансовых приоритетов.

Уже в 70-е годы выявилось, что сколь бы ни был ЦБ независим, он не всегда может противостоять инфляционному давлению вну-

тренного долга государства. Между прочим, о спаянности государства и банковской системы в указанном выше смысле свидетельствует тот факт, что вплоть до 90-х годов научная общественность не осознавала финансовой проблемы как проблемы капитала: постоянно дебатировались вопросы способов управления инфляцией – либо процентная ставка, либо регулирование объема денежной эмиссии, т.е. имела место единая финансово-денежная политика государства. Точкой перегиба можно считать 90-е годы: в финансово-денежной системе обозначились новые полюсы приоритетов – не ЦБ и МФ, а процессы текущего и долговременного финансово-денежного управления. В частности, было осознано, что существуют разные (текущие и долговременные) соотношения процентной ставки и уровня инфляции: в текущем аспекте процент управляет динамикой денежной массы и инфляцией, в долговременном – управление денежной массой является приоритетным по отношению к ставке процента. Последнее может иметь место только потому, что количество денег является функцией массы капитала (точнее – отношения стоимости капитала к стоимости ВВП). Но тем самым регулирование количества денег имеет циклический долговременный аспект как регулирование инвестиционного денежного оборота и связанных с ним масштабов и механизмов залогового кредитования и конъюнктуры рынка корпоративных акций. В этом плане интерес представляют взгляды Дж. Сороса, обосновывающего идею, что денежная масса – не выводная величина в рамках экономической политики, а, напротив, объем международных кредитов (т.е. массы кредитных денег) должен считаться одним из важнейших факторов при выработке экономической политики. Однако Сорос не дал достаточно развернутого системного анализа, вероятно, потому, что он не разделил текущего и долговременного аспектов финансово-денежного оборота и неверно решил, что правильно говорить только о рефлексивном взаимодействии денег и кредита.

С точки зрения необходимости согласования разных (денежных и финансовых) приоритетов, с одной стороны, закономерно возросла роль кооперации денежных и финансовых властей и в целом усилилась тенденция к огосударствлению финансово-денежных отношений макроуровня. С другой стороны, появилась тенденция к жесткому обособлению двух контуров обращения финансово-денежных ресурсов – собственно денежного и финансового. Если в рамках денеж-

ного контура складывалась система управления финансово-денежной стабильностью и определялись параметры предложения денег и уровень текущих цен в сфере товарно-денежного оборота ВВП, то внутри финансового контура решалась задача оптимального распределения финансовых ресурсов с учетом долговременных тенденций расширенного воспроизводства, тесно связанных с регулированием цикличности капитала.

Теоретическим отражением указанных преобразований является теория контуров Х. Минского. Она как бы обозначила путь подготовки организационного и институционального преобразования финансово-денежного оборота в кругооборот финансового капитала и разворачивания на этой основе системообразующей, базисной функции финансового капитала для экономики в целом. Есть два обстоятельства для такой трактовки. Первое: у Минского речь идет о контурах в том плане, что появляются новые соединения рынков, в них – разные иерархии рынков, разные инфраструктуры, размерности, составы оборачивающихся финансовых активов, агрегатные (кооперативные) субъекты, институты. Тем самым контур можно интерпретировать как новое рыночное образование, хотя он и остается внутри финансово-денежного макроуровня. В соответствии с его концепцией появляется "большой банк" во главе финансового контура и одновременно возникает институт "большого правительства" во главе денежного контура. Второе: контуры сбалансированы на уровне инвестиционных решений. Государство утрачивает внутри своих экономических функций приоритетность инвестиционной деятельности, напротив, достаточно жестко выявляется его роль как социального субъекта и субъекта кругооборота дохода. Это и определяет границы государственного воздействия на рынок и его направленность на поддержание финансово-денежной стабильности. Вместе с тем уровень инвестиционных решений выводится из сферы поддержания финансово-денежной сбалансированности в сферу стратегического инвестирования и обеспечивающего его инвестиционного денежного оборота в рамках функционального пространства "большого банка". Тенденция к раскрытию всех функций финансового капитала как нового базиса рыночной экономики здесь отмечена верно. Она означает, что происходит дополнение центробежных сил взаимодействия экономических уровней силами центростремительными. Центробежной тенденции декапитализации,

следовательно, монетизации компонентов рыночного равновесия при переходе с первого (кейнсианского) на второй (хиксианский) макроуровень противопоставляется дополняющая ее центростремительная тенденция капитализации компонентов рыночного равновесия, которая отчетливо проявляет себя при переходе со второго на третий (финансовый) макроуровень. В результате имеет место временной лаг между действием центробежных и центростремительных сил: последние получают сильную поддержку со стороны институциональной системы, когда экономически созревают условия для обособления государства от экономики как верховного социального субъекта общества. Именно тогда структурные уровни, будучи встроенными в целостную систему, базисом которой становится финансовый капитал, завершают свое собственное становление. При этом на место денег в кейнсианской формуле рыночного равновесия заступает кругооборот финансового капитала, на место капитала – кругооборот производительного капитала в его агрегатной финансовой форме основного капитала, на место дохода – кругооборот дохода, в рамках которого сбережения служат опосредованно ресурсом инвестиций, являясь непосредственно ресурсом расширенного воспроизводства дохода. Таким образом, проблема капитализации структур макроэкономики, принадлежащих рыночному равновесию по Кейнсу, есть проблема формирования системы кругооборотов разных функциональных капиталов, входящих в глобальную инвестиционную денежную систему. Это главный момент, определяющий содержание процессов становления рыночной экономики на основе ее макроэкономического базиса. В результате сама глобальная инвестиционная денежная система может быть интерпретирована в логике метакругооборота финансового капитала, включающего всю народнохозяйственную совокупность условий, факторов и механизмов воспроизводства финансового капитала, организованную тоже как кругооборот. Благодаря этому и кругооборот денег, и кругооборот производительного капитала, и кругооборот дохода следует считать специфическими ("превращенными" по марксистской терминологии) формами финансового капитала и специфическими сферами его функционирования.

Вообще, последовательность "кругооборот – оборот – метакругооборот" представляет собой общую логику экономических взаимодействий внутри сложной структурно-уровневой рыноч-

ной системы. Например, форма кругооборота применительно к доходу воспроизводит стабильность его распределения на сбережение и потребление благодаря поддержанию равновесия между затратами труда и уровнем дохода. Вместе с тем только в пространстве кругооборота производительного капитала могут быть осуществлены предпосылки стабильности уровня занятости, ибо они сводимы к выравниванию мультипликаторов инвестиций и занятости, обеспечиваемому, в свою очередь, равенством полных затрат труда и полных затрат капитала в производстве продукции. Однако само это равенство (затрат труда и капитала) может быть инфляционным или нарушенным еще каким-нибудь способом. Его важнейшим условием в этой связи является кругооборот финансового капитала, в рамках которого, с одной стороны, формируется распределение денежных собственников на крупных (собственников капитала), средних (собственников капитализируемого дохода), мелких (собственников дохода как такового). С другой стороны, само это распределение определяет как общий объем инвестиций, так и их структуру в соответствии с тенденцией к сохранению пропорции между капиталом и доходом, отвечающей распределению собственников.

Мы полагаем, что соотношение денежного и финансового контуров финансово-денежной системы можно рассматривать как специфический механизм кругооборота финансового капитала. Если денежный контур выдает оптимальные цены на текущий ВВП в условиях поддержания финансово-денежной стабильности, если финансовый контур выдает оптимальные цены на финансовые ресурсы в условиях ориентации на предельную эффективность капитала, то их стыковка – сбалансированность этих двойных цен на уровне инвестиционных решений – объективно ориентирована на сохранение пропорции капитал–доход и воспроизведение распределения собственников. Значит, она предполагает стремление оптимального распределения финансовых ресурсов в общественном производстве к предельным параметрам расширенного воспроизводства капитала, адекватным его предельному циклу. При этом трансформация кругооборота финансового капитала в метакругооборот служит механизмом превращения финансового капитала в базис экономического роста со стабильной цикличностью, регулируемой предельным циклом.

Единство кругооборота и метакругооборота включает в себя проблему соотношения размерности и критериальности в экономике. В той же мере, в какой метакругооборот финансового капитала служит механизмом установления и поддержания устойчивой, предельной цикличности, он предполагает превращение экономики в сложную многомерную систему, объединяющую капитальную, стоимостную и трудовую размерности на принципах их равносильности. Предельная цикличность служит механизмом реализации единства (равносильности) разных размерностей. Условия рыночного равновесия по Кейнсу можно считать первой исторической формой проявления многомерности: процент – как первое проявление капитальной размерности, предельная эффективность капитала – стоимостной, предельная склонность к потреблению – трудовой¹. Метакругооборот, будучи системной формой кругооборота, объединяет существование единой размерности в его рамках и многокритериальности. Это позволяет вовлечь всю совокупность разнородных факторов и предпосылок в условия функционирования кругооборота. Например, логика формирования первого (кейнсианского) макроуровня такова, что он может быть интерпретирован как метакругооборот производительного капитала. Сумма условий функционирования производительного капитала здесь взята в качестве его воспроизводимой предпосылки, тем самым она представима как народнохозяйственный оборот ВВП в целом, или метакругооборот производительного капитала. По Кейнсу, кругооборот как ядро метакругооборота производительного капитала зафиксирован в последнем в форме его исходных *данных* – количества занятых и капитала, определяющих трудовую размерность метакругооборота, или народнохозяйственного кругооборота ВВП. Агрегированное рыночное равновесие первого макроуровня действует как механизм приведения разных компонентов этого уровня (процент, предельная эффективность капитала, норма сбережений к доходу) к единой трудовой размерности. Для этого и нужна денежная форма, так как единый денежный оборот превращает автономность своих компонентов, проистекающую из присущей им собственной формы кругооборота и адекватного ему критерия экономического роста, в относительную автономность, имеющую единую трудовую раз-

¹ Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. – М., 1988.

мерность. Наличие множества критериев выступает как контртеза по отношению к размерности. Не случайно они были зафиксированы Кейнсом в терминах *независимых переменных*. В результате синтез размерности и критериальности приводит к метаморфозе данных: они трансформируются в *зависимые переменные*. В этой форме они получают возможность испытывать воздействие инвестиционных процессов, в частности, проблема занятости может быть решена с помощью аппарата мультипликаторов инвестиций и занятости и их взаимодействия. Процесс выходит за рамки метакругооборота производительного капитала – первый структурный макроуровень дополняется вторым и т.д. Но всякий раз проблема кругооборота встает в качестве воспроизводственного механизма фиксирования новой усложненной размерности: трудовой, стоимостной, финансовой.

Нам представляется, что Кейнс концептуально описал первый макроуровень, Хикс – второй, Минский – третий. Мы не обсуждаем проблему законченности и полноты этих теорий. Нам важно осознать, что таких макроуровней может быть только три, уровней макроэкономики – столько, сколько компонентов рыночного равновесия по Кейнсу. Во-первых, образование первого уровня – рыночного равновесия в той мере, в какой оно решало проблему первичного становления микро- и макроэкономики, несло в себе потенциал дальнейшей структуризации, так или иначе связанный с взаимодействием центробежных и центростремительных сил, присущих единству уровней. Во-вторых, чтобы иметь существенное значение, каждая новая ступень в развитии макроэкономики должна трансформировать рыночное равновесие первого макроуровня так, чтобы для обособления новой ступени использовать автономию одного из компонентов рыночного равновесия, доводя автономию до отрицания, преодоления предыдущей ступени макроуровня последующей ступенью. Если первый структурный макроуровень можно соотнести с метакругооборотом (ВВП) и кругооборотом (производительного капитала), то второй макроуровень формирует связку кругооборота бюджета и его метакругооборота в форме народнохозяйственного кругооборота доходов населения. Третий же структурный макроуровень имеет строение кругооборота финансового капитала и его метакругооборота, или народнохозяйственного кругооборота национального капитала, представленного системой разных функциональных капиталов во главе с финансовым капиталом.

Функция оборота совсем иная, малосвязанная с институтами, собственниками. Оборот (товарно-денежный, инвестиционный, финансовый, бюджетно-денежный и т.п.) представляет собой воспроизводственную форму движения вещных отношений и материальных потоков как таковых. Его назначение состоит в создании механизмов массовости рыночных отношений, а значит, и механизмов восприятия экономикой в целом и всеми ее структурными уровнями экономических инициатив. Обороты "раздвигают" масштабы кругооборотов, в рамках которых субъекты воспроизводства жестко привязаны к исходной базе, питаются присутствующими ей источниками развития, используют критерии, адекватно выражающие размерность исходной базы кругооборота, в свою очередь, однозначно определяющие для данного кругооборота его тип цены. Однако, чем жестче структурные связи внутри кругооборота, тем больше в нем потенциал неопределенности: происходит дробление кругооборотов, появляются разные типы, варианты разных характеристик, нарушается единая размерность, которую вытесняют критериальные оценки. Обороты все это приемлют, удерживают, приводят в равновесие спроса и предложения. Благодаря оборотам, функционирование кругооборотов достигает порога неопределенности, когда становится необходимыми переход к метакругообороту и приведение экономики к новому, более сложному порядку.

Если в рамках кругооборота фигурирует собственник капитала определенного вида, то в рамках метакругооборота субъектом становится монополизированный собственник капитала определенного вида. Хотя на всех структурных уровнях субъекты имеют природу институтов, монополизация остается базисом формирования самих структурных уровней как автономных иерархических структур рыночной экономики. Переходя от тенденций к интеграции и глобализации экономики, по-видимому, можно считать, что на финансовом структурном уровне макроэкономики завершается ее становление. В рамках кругооборота финансового капитала получает свою форму разделение национальной экономики на стратегические и текущие аспекты. Тем самым, вектор структуроформирования получает направление вниз – к микроэкономике. В рамках метакругооборота финансового капитала реализуется его системная природа в виде метаморфозы превращенных форм финансового капитала: финансовый капитал как структура капитала-собственности, производительный ка-

питал как структура капитала-функции, доход как структура капитала – социального базиса жизнедеятельности общества. Наконец, денежные обороты приобретают строение оборотов, специфицированных по типам обеспечения денег: капитальных, товарных и доходных.

Таким образом, теперь совершенно четко просматриваются как базисная роль финансового капитала в структурно-уровневой экономической системе, так и то, что финансовый капитал

как базис макроэкономики представлен системой глобальных кругооборотов капитала, продукта и дохода, причем система имеет единое основание – глобальную инвестиционную денежную систему экономики. Складывается устойчивая модель экономического роста, структурной основой которой является совокупность параметров предельного цикла. На этой базе создаются предпосылки для одновременного роста общественного производства и благосостояния.